

О расстановке сил на Евразийском интеграционном пространстве¹

Н.И. АТАНОВ, доктор экономических наук, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ. E-mail: ni.atanov@yandex.ru

Показана расстановка интеграционных сил на западной, центральной и восточной территориях Евразийского континента для оценки перспектив развития Евразийского экономического союза. Установлено, что между проектом «Экономический пояс Великого Шелкового пути» и Евразийским экономическим союзом на этапе зарождения отсутствуют антагонизм и конкуренция. Оба проекта пронизывает дух коллегиальности, взаимодополняемости и открытости. В то же время практическая консолидация требует от сторон глубокой концептуальной, правовой, управленческой и проектной проработки.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, институты, интеграция, Шанхайская организация сотрудничества, Экономический пояс Великого Шелкового пути

Поводом для проведения настоящего исследования стала тревога за судьбу нарождающегося на постсоветском пространстве интеграционного объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – в условиях продолжающейся «санкционной войны» западных стран в отношении России, концентрации сил НАТО у западных рубежей нашей страны и формирования на восточноазиатском фланге мощного экономического «тайфуна» под названием «Экономический пояс Великого Шелкового пути» с вектором движения «восток – запад». Какова вероятность того, что новое интеграционное образование – ЕАЭС – выдержит мощный натиск Запада и Востока? Автор глубоко убежден, что стратегически евразийская идеология и политика для России, Казахстана, Беларуси и других стран-членов (настоящих и потенциальных) ЕАЭС является единственным шансом не только

¹ Статья подготовлена в рамках НИР № 3790 базовой части государственного задания в сфере научной деятельности на 2016 год «Оценка факторного, институционального и временного потенциалов постиндустриального общества в формировании и развитии экономических знаний на региональном уровне»

для выживания, но и будущего восхождения на первую линию самых продвинутых мировых держав.

Чтобы оценить перспективы и шансы Евразийского экономического союза на устойчивое развитие, автором осуществлен анализ основных интеграционных образований на Евразийском континенте и его западном и восточном фронтах.

Западный фронт Евразии

На Евразийском суперконтиненте после некоторой паузы, связанной с уходом в историю стран социалистической ориентации (за исключением Китая и Северной Кореи), возникают все новые региональные инициативы.

На западном фланге первенец мирового многостранового интеграционного сообщества – Европейский союз (ЕС) – приращивает свои ряды за счет восточных стран, включая прибалтийские республики бывшего Советского Союза. Параллельно обозначился процесс внутренней дезинтеграции, о чем свидетельствует решение о выходе из состава ЕС Соединенного Королевства Великобритании.

Это решение следует рассматривать как сигнал к амортизации действующих наднациональных институтов управления ЕС. Чтобы дезинтеграционные процессы не привели к внутренней энтропии, остается надеяться на то, что ЕС в короткие сроки сможет провести модернизацию институтов управления и преодолеть долговую и миграционный кризисы.

Если же этого не произойдет, то причины изъятий следует искать глубже, в том числе в идеологии «демократизма» – своеобразного и однобокого соединения политического либерализма, концепции «фундаментальных прав человека», просвещенческого секуляризма и «колониалистских теорий превосходства» [1. С. 18].

В расширении рамок внешнего взаимодействия ЕС знаковым событием стал проект соглашения между ЕС и США о торговом и инвестиционном партнерстве, создании зоны свободной торговли. В случае успеха Трансатлантическое партнерство ЕС и США охватит до 60% мирового валового продукта и 33% мировой торговли.

Значимость Европейского союза для мирового сообщества, по нашему мнению, заключается в том, что в мировой истории

XX века это – единственный прецедент полной интеграции национальных государств по конфедеративному принципу, пример для заимствования другими государствами, находящимися на интеграционных стадиях сотрудничества, с учетом пройденных испытаний, ошибок и успехов первенца.

Центральная и Восточная Евразия

На центральном и восточном пространстве Евразии (Восточная Европа, Центральная, Восточная и Южная Азия) начало XXI века ознаменовалось образованием ряда интеграционных сообществ, основными из которых являются Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИК/БРИКС и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Вновь образованные страны Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – по инициативе Китая и России 16 лет назад вошли в состав учредителей Шанхайской организации сотрудничества, целью создания которой стало объединение действий по борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом, наркобизнесом, транснациональной преступностью, развитию торгово-экономического сотрудничества и региональной безопасности. За это время ШОС доказала свою дееспособность и устойчивость. Россия и Китай делят между собой лидерство по торговле и инвестициям с входящими в ШОС странами Центральной Азии. На уфимском саммите ШОС 10.07.2015 г. были приняты стратегия развития организации на период до 2025 г. и решение о начале процесса присоединения к организации Индии и Пакистана. На ташкентском саммите (июнь 2016 г.) оба кандидата были приняты в состав ШОС.

В 2009 г. самые крупные государства Евразийского континента – Китай, Индия и Россия – составили костяк БРИКС, с потенциалом без малого 3 млрд чел. (43% населения планеты); входящие в группу страны производят, по оценкам Мирового банка, около 20% мирового валового продукта.

Прародителями БРИКС являются РИК (Россия, Индия, Китай) (образован в 2000–2001 гг.) и ИБСА (Индия, Бразилия, Южно-Африканская Республика) (2002–2003 гг.). На быстрое становление БРИК/БРИКС повлияли концептуальные наработки РИК: обкатанные на практике технологическая цепочка стимулов (общность приоритетов), целей (новый миропорядок), принципов

(неконфронтация, ненаправленность), а также серия встреч глав МИД, саммиты, «вторая дорожка», секторальные переговорные площадки и др. [2. С. 90].

Институты сотрудничества стран БРИКС постоянно совершенствуются. Сформирована многоуровневая структура, в основе которой – встречи глав входящих в группу государств, министров иностранных дел, создание Банка развития стран БРИКС и формирование фонда резервов на случай непредвиденных обстоятельств. В июле 2015 г. в Уфе состоялась 7-я встреча лидеров с девизом «Партнерство стран БРИКС – мощный фактор глобального развития», приняты уфимская декларация, план действий, стратегия развития экономического партнерства стран БРИКС и другие документы.

Особенность встречи в Уфе состоит в том, что в одном месте, в одни сроки проведены встречи лидеров государств, составляющих основу трех интеграционных объединений (ШОС, БРИКС и ЕАЭС), со схожими целями, задачами и предметом деятельности, на одном географическом пространстве, плюс Южная Америка (Бразилия) и Южная Африка (ЮАР).

Такая однородность акторов ШОС, БРИКС и ЕАЭС имеет ряд достоинств и преимуществ. Прежде всего, это – возможность выработки стратегической миссии, целей и задач, линий поведения, институтов и механизмов реализации достигнутых договоренностей, в повышении статусности организаций в мировом обществе и влияния на глобальные и региональные политические, экономические, гуманитарные и экологические процессы. Очевидным доказательством этого служит поддержка лидерами стран-участниц ШОС и БРИКС Евразийского экономического союза и одобрение китайской концепции «Один пояс и один путь», воплощаемой в проектах «Экономический пояс Великого Шелкового пути» (далее – «пояс») и «Морской Шелковый путь XXI века» [2. С. 17–22].

На постсоветском пространстве носителями движущей силы конструктивного восстановления утраченных экономических взаимосвязей выступили Россия, Беларусь и Казахстан, образовавшие Таможенный союз (2010 г.) и Единое экономическое пространство (2012 г.). На их основе с января 2015 г. начал свою деятельность Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Новыми его членами стали Армения и Кыргызстан. Открытость ЕАЭС предполагает расширение союза за счет новых членов.

Кроме постсоветских государств с ЕАЭС сотрудничают в режиме зон свободной торговли Вьетнам, а также Черногория и Сербия (до вступления в члены ЕС). Среди потенциальных партнеров рассматриваются Камбоджа, Индонезия, С. Корея, Тунис, Сирия. Переговоры ведутся еще с девятью странами [3. С. 20–21].

В настоящий период ЕАЭС представляет собой региональный рынок, охватывающий около 182,7 млн человек (2,5% от мировой численности), с совокупным ВВП 2,2 трлн долл. США (3,2% мирового ВВП). ЕАЭС считается крупнейшим игроком в энергетическом, минерально-сырьевом секторах, в военной и аграрной отраслях. По итогам 2014 г. ЕАЭС произвел свыше 18,4% мирового природного газа, 14,6% нефти, 5,1% электроэнергии и 5,9% угля, 10,8% минеральных удобрений, 5,5% сельскохозяйственной продукции [4].

В ЕАЭС в полном объеме действуют общий рынок товаров, единая система антимонопольного регулирования, государственных закупок, приняты общие ограничения по промышленным и сельскохозяйственным субсидиям, выравнивающим условия конкуренции. За 2011–2014 гг. товарооборот Таможенного союза вырос на треть. По оценкам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ожидается, что интеграция только трех стран – России, Беларуси и Казахстана – обеспечит прирост экономической активности примерно на 750 млрд долл. к 2030 г. (в ценах 2011 г.), из них две трети приходится на совместную деятельность по развитию высокотехнологичных производств [5].

Восточно-Азиатский фронт Евразии

На Азиатско-Тихоокеанском фланге Евразийского континента, наряду с «ветеранами» интеграционных группировок АТЭС и АСЕАН, создаются новые образования. Наиболее значимые из них – Транстихоокеанское партнерство (ТТП)² и Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли (АТЭС). Первый проект

² Первоначально инициаторами создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП) были Новая Зеландия, Сингапур, Чили и Бруней в целях стимулирования либерализации торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2002 г. началась подготовка многостороннего Соглашения о свободной торговле. Затем в 2011 г. Япония вступила в переговоры о вхождении в ТТП, но из-за существующих разногласий с США (и Японией, в основном в области торговли сельхозпродукцией), подписание соглашения затянулось до октября 2015 г.

является инструментом реализации американской концепции «Поворот к Азии». В США 5 октября 2015 г. было подписано соглашение, юридически скрепляющее ТТП (США, Япония, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Мексика, Чили и Перу, без участия Китая и России).

Лидером второго проекта является Китай в контексте концепции «Азиатско-Тихоокеанской мечты». Суть АТЭС озвучил председатель КНР Си Цзиньпин на пекинском саммите АТЭС: «Опережение глобального развития и внесение большего вклада в благополучие человечества, усиление жизнеспособности экономики, стимулирование свободной торговли и упрощение процедур в области инвестиций, улучшение дорог и укрепление обмена между народами» [6. С. 184].

АТЭС станет крупнейшим в мире пространством свободной торговли: на него будет приходиться 40% населения земли, 48% мирового ВВП, 56% глобальной торговли. Идея создания родилась в 2004 г., однако проект так и оставался умозрительным вплоть до саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. [7].

Заметим, что начиная с 2010 г. между Китаем и 10 странами-членами АСЕАН создается зона свободной торговли (АСЕАН+1). И вполне очевидно, что начатый проект получит развитие в АТЭС. Кроме того, Китай является активным участником другого регионального интеграционного объединения, также без участия США – Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП, Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) в составе стран – участниц АСЕАН+6 (Китай, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Республика Корея, Япония).

Кроме двух альтернативных проектов ТТП и АТЭС, существует третий, выдвинутый Японией на уровне концепции Регионального всестороннего экономического партнерства. «В случае успеха Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли может стать первым интеграционным объединением, включающим в себя два полюса “глобальных дисбалансов” – США и Китай, а также Россию» [8. С. 69].

Значение Евразии в глобальной конкуренции

Хроника формирования новых межстрановых интеграционных образований на Евразийском пространстве может

свидетельствовать либо о незавершенности строительства нового экономического миропорядка в условиях однополярного политического гегемонизма, либо это – новая тенденция поиска путей создания постбиполярного миропорядка, восстановления баланса сил как альтернативы американскому монополизму. Предпочтительность второго вывода, на наш взгляд, более очевидна. Глобальный и региональные рынки находятся в поиске оптимальных пропорций, обеспечивающих устойчивость и стабильность национальных экономик. По всей очевидности, тенденция реформатирования взаимодействий в направлении декомпозиции глобальных группировок в региональные и укрупнения локальных содружеств в макрорегиональные и глобальные сохранится и в среднесрочной перспективе. Таким образом, Евразийский суперконтинент вновь наполняется параллельными и пересекающимися экономическими блоками, взаимодействующими и конкурирующими между собой.

Повышенным интересом к себе со стороны государств – мировых лидеров, прежде всего США, Евразия обязана своим геостратегическим значением, так как «превосходство над Евразийским континентом служит центральной основой для глобального главенства» [9. С. 56–57].

Евразийскую территориальную опорность как «сердцевину земли» Харольд МакКиндер воплотил в следующий афоризм:

*«Тот кто правит Восточной Европой,
владеет Сердцем земли;
тот кто правит Сердцем земли,
владеет Мировым Островом (Евразией);
тот кто правит Мировым Островом,
владеет миром» [9].*

Заметим, что автор афоризма в Евразийскую «опорную территорию» включал также всю Сибирь и большую часть Средней Азии.

Действуя по такой логике, США свою евразийскую геостратегию строят по следующей схеме: «в ближайшей перспективе – сохранение своей глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество» [9. С. 59].

Сопряженность проектов ЕАЭС и «Экономического пояса Великого Шелкового пути»

Альтернативу американскому устремлению к гегемонии над «Мировым Островом» могут составить Евразийский экономический союз и мегапроект «Экономический пояс Великого Шелкового пути».

Из всех значимых внешних интеграционных образований, анализируемых в статье, для судьбы Евразийского континента в целом и для российских регионов от Охотского моря до Балтийского, в частности, наиболее важен трансрегиональный евразийский проект «Экономический пояс Великого Шелкового пути» (ЭПВШП), предложенный Китаем в рамках концепции «Один пояс и один путь». Второй проект – «Морской Шелковый путь XXI века» пройдет по маршруту: Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – страны Индийского океана, и для России не представляет практического интереса.

Маршрут ЭПВШП проляжет от порта Ляньюньган на востоке Китая через центральный Китай, провинцию Синьцзян на Казахстан, на магистрали юга России и Урала вплоть до Балтийского моря. По замыслу некоторых проектировщиков, по новому мосту через Керченский пролив трасса пройдет к глубоководному порту в Крыму. Оттуда контейнеры будут грузиться на корабли и развозиться через Черное и Средиземное моря, Гибралтарский пролив и Суэцкий канал по всей Европе, Ближнему Востоку и Африке [6. С. 180].

Опираясь на крупные международные пути, заручившись поддержкой центральных городов вдоль Шелкового пути и рассматривая в качестве главных площадок для развертывания сотрудничества важные торгово-экономические индустриальные парки, Китай будет стремиться к созданию нового евразийского континентального моста и коридоров экономического сотрудничества, в том числе Китай – Монголия – Россия [10. С. 17].

Роль дублеров центрального маршрута сыграют модернизированные с китайским участием Транссиб и БАМ. Растет интерес Китая и к Северному морскому пути. Лежащую в центре Евразии Россию не минуют также новые шоссейные дороги, которые

станут частью трассы Западный Китай – Западная Европа. Прежний Великий Шелковый путь тоже имел несколько дублирующих маршрутов, хотя и отстоявших друг от друга на сотни и тысячи километров, но представляющих целостную систему торговых путей между Востоком и Западом.

Таким образом, в случае успеха два «шелковых» проекта Китая покроют Евразийский суперконтинент коридорами торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Они откроют новую эру глобального, трансрегионального евразийского общего рынка. Нерешенными остаются лишь два вопроса. Первый – о главных действующих лицах – игроках на этом рынке. Будет ли им инициатор в лице Китая или США в интеграции с Европейским союзом, либо неизвестный пока третий игрок, например, из арабского мира, – покажет время. Всё или почти всё будет зависеть от достаточности экономических сил Китая, дипломатической и управленческой мудрости и толерантности ее руководства, от политической обстановки на континенте на всех этапах становления этих проектов.

Второй вопрос – о судьбе ныне действующих и архитектонике будущих интеграционных сообществ, прежде всего Евразийского экономического союза, в условиях продвижения Шелкового пути на Запад, а ЕС – на Восток.

По масштабам и потенциалам проект ЭПВШП значительно превосходит ЕАЭС: по числу стран-членов – на порядок, а по численности населения – на два порядка. Несопоставимы географические параметры и инвестиционная база.

Инвестиционную инфраструктуру «Экономического пояса Великого Шелкового пути» составляют:

- Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с акционерным капиталом 50 млрд долл. и с уставным – до 100 млрд долл., со штаб-квартирой в Пекине;
- Фонд Шелкового пути с капиталом 40 млрд долл.;
- частный фонд развития энергетики объемом в 20 млрд долл., который будет дополнять финансирование проектов Фонда Шелкового пути [6. С. 182–183].

Если древний Великий Шелковый путь действовал свыше двух тысячелетий, и историческая память о нем служит

сильнейшей опорой для ренессанса ЭПВШП, то предшественник ЕАЭС – Совет экономической взаимопомощи – просуществовал всего лишь четверть века.

Их общность состоит в единстве географического и экономического пространства, глубокой истории добрососедских отношений. Однотипны и принципы их деятельности, основанные на открытости, комплиментарности, взаимовыгодности и взаимодополняемости, невмешательстве и т. д. Кроме того, страны-члены ЕАЭС (кроме Армении и Беларуси) и Китай сотрудничают в формате ШОС, а Россия и Китай – члены БРИК/БРИКС.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что на данном этапе по декларируемым инициаторами целям и задачам, условиям и механизмам реализации проекта Экономический пояс Великого Шелкового пути не является альтернативой и конкурентом ЕАЭС, между ними нет антагонизма. Гарантией этому служат договоренности между Россией и Китаем о всеобъемлющем партнерстве и стратегическом взаимодействии, подкрепленные устными заявлениями глав России и Китая, вначале на «полях» зимней Олимпиады в Сочи, затем на апрельской (2014 г.) встрече в Шанхае, позже – на саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2015 г.

ЕАЭС и ЭПВШП будут сообща формировать торговую и ценовую политику, селективировать лучшие мировые практики и стратегических партнеров. Скорее всего, ЕАЭС займет определенные сегменты евразийского общего рынка в рамках «Экономического пояса Великого Шелкового пути».

Завершив обзор происходящих сдвигов в расстановке сил экономических объединений и групп на Евразийском пространстве выводом о том, что вектор тренда экономической активности смещается на его восточный фланг. Здесь формируется очередной вековой цикл накопления капитала – после американского, английского, голландского, испанского и т. д., имеющего почти тысячелетнюю историю.

Азиатский цикл зарождается на собственных принципах, идеологии и институтах, концептуальной основой которых является «новая нормальность», ядром движущей силы выступает Китай, а инструментами реализации –

Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, Экономический пояс Великого Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века.

Литература

1. Лукин А. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? //Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 1. – С. 17–25.
2. Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. В 2-х т. Кн. 1. – М.: ИД «Форум», 2014.
3. Зоны свободной торговли: курс на Азию // Стандарты и качество. – 2016. – № 2 (944). – С. 20–21.
4. Евразийский экономический союз: общая информация [Эл. ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 25.03.2015).
5. Глазьев С. Настоящее и будущее Евразийской интеграции [Эл. ресурс]. URL: <http://www.izborsk-club.ru/content/articles/1299/> (дата обращения: 25.03.2015).
6. Тавровский Ю. Си Цзиньпин: по стратегиям китайской мечты. – М.: Эксмо, 2015, – 272 с.
7. Российская газета. – № 278 (6550).
8. Арапова Е. Интеграционный потенциал АТЗСТ // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 1. – С. 68–81.
9. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2009. – 280 с.
10. Ло Цзе. К сообществу единой судьбы // Китай. – 2015. – № 5 (115). – С. 17.